

Необходимые выводы

Работа прошедшего 4-го Пушкинского пленума правления Союза советских писателей, в частности, обсуждение докладов о подпольном издании «Правды» и о деятельности «Правды» в период революции, привнесла во многие отношения.

Восстановление Пушкинского творчества и плодотворная работа советской критики и литературоведения, проведенная в связи с ним, по-новому поставили, выяснили и уточнили многие актуальные вопросы современности литературного движения, в особенности вопросы борьбы за народность литературы, за политическую активность и целеустремленность писателя, за простоту и ясность поэтической речи. Пленум подтвердил это новое, и в ряде выступлений были четко сформулированы творческие задачи литераторов.

В докладе о подпольном издании «Правды», давшем общий очерк состояния литературного фронта, была подчеркнута задача борьбы со всеми формами враждебных влияний, в частности с враждебными влияниями в среде советских писателей, в частности с враждебными влияниями в среде советских писателей, в частности с враждебными влияниями в среде советских писателей.

Наряду с обзором явных несовершенств успехов в литературе и драматургии, докладчик правильно подчеркнул необходимость дифференцированного подхода к вопросу об оставлении художественной литературы: надо конкретно разбираться — кто именно и почему отстает. Пленум признал, что серьезную работу, вскрывающую деятельность писателей, в частности, в области литературы, в частности, в области литературы, в частности, в области литературы.

С большой силой прозвучали на пленуме речи, разоблачающие враждебные «установки» Бухарина и Радева на первом съезде писателей, в частности, «установки» преобладать третирующие советскую политическую поэзию, превращающие поэтов, чуждых советской действительности, проповедующих двуличность в поэзии. Пленум разоблачил и тех критиков, которые — одни во вражде, другие по недостатку близости к молодежи — стремились, как это совершенно правильно указала «Правда», «свернуть нашу поэзию с правильного пути. Они говорили поэтам: походите по посевной жизни, а особенно походите по газет. Это было направлено к тому, чтобы лишить поэзию такого острого оружия, как политическая поэзия. («О политическая поэзия», «Правда», № 8).

Воробей в враждебных влияниях в поэтической критике должна быть усилена, — здесь очень четко прозвучали безразличиям откровенно реакционные упреки «критиков» вроде ныне разоблаченного Мустаганова, проповедовавшего реставрацию буржуазного декаданса в поэзии и «сбавившей» своими ложными и враждебными писаниями немалое количество разоткровенно редакторов и критиков. Пленум правления СССР положил начало этой необходимой работе.

Обсуждение на пленуме значения Пушкинского творчества и горячие споры о задачах современной поэзии позволили поэтической общественности.

Это очень важно, особенно потому, что в литературной критике и в поэзии, так же как и в поэтической критике, на местах уже долгое время царил довольно засилье реакционной атмосферы. После пропущенного прошлого пленума СССР, на котором поэты выказались главным образом позитивными расхождением и комплиментами, ничто не смущало покой руководителей секции, и настроение благодушия и самозащиты были весьма распространены.

В пленуме к пленуму большинство выступавших снова и снова возвращалось к вопросу о творческой среде, о работе писательской организации. Сейчас, в эпоху великой организации Конституции, передовые писатели особенно остро ощущают необходимость в коренной перестройке литературной организации, в первую очередь в целях создания в пленуме СССР настоящей творческой среды. Широкие демократические обсуждения важнейших политических и творческих вопросов, правильная организация обмена опытом крупнейших мастеров всех литератур СССР, правильные отношения между писателями и критиками, творческая взаимопомощь, деловая, а не декларативная, помощь литературных писателей — вот чего требуют литераторы от своей организации.

Но работа руководящих литературных организаций по созданию настоящей творческой среды в пленуме СССР, по созданию настоящей творческой среды в пленуме СССР, по созданию настоящей творческой среды в пленуме СССР.

Под знаком этих само собой разумеющихся требований, естественно вытекающих из основ сталинской Конституции, надо перестроить практическую деятельность всех органов Союза сверху донизу. Было бы ошибкой полагать, что только в литературной или украинской организации СССР мы сталкиваемся с нарушениями социалистического демократизма, — отдельные элементы таких нарушений имеются в практике многих организаций.

Доклад на пленуме о подготовке к великой годовщине Октября и пленум по нему обнаружил единую волю руководства Союза и широких писательских кругов к перестройке работы по-новому.

Испанские писатели Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон в Музее Революции в Москве. Фото В. Бабст.

Мадрид — это фронт

На днях в Москву приехали наши друзья — известная испанская журналистка Мария Тереса Леон и популярнейший поэт Рафаэль Альберти — бойцы народной армии героической Испании.

В беседе с нашим сотрудником она поделилась первыми своими московскими впечатлениями, радостью встречи с Москвой, с людьми Советской страны — второй родины испанских революционеров.

Еще в 1932 году, — рассказывает Мария Тереса Леон, — в Испании образовалась небольшая группа революционных писателей. В этот союз вошли революционные писатели и художники. Своей работы они не прекращали и в период тяжелых репрессий, когда в Испании одержала временную победу реакция, бегства преследовавшая защитников свободы испанского народа.

Никто не дерзнул в этот революционный союз писателей. С гордостью добавляет Мария Тереса Леон. К союзу писателей вначале гражданская война присоединилась республиканская интеллигенция, ранее не занимавшая определенных политических позиций. Сейчас союз объединяет не только писателей и художников, — в него вошли представители интеллигенции различных профессий. Союз насчитывает около тысячи членов, в Мадриде — 300 человек, организованы также группы и в Барселоне, Валенсии, Аликанте.

Секция революционного союза ведет работу, согласованную с министерством народного просвещения. Хесус Фрэнсис — министр народного просвещения — в одной из своих речей заявил о том, что союз революционной интеллигенции представляет полноту культуры Испании, что в дни героической борьбы Республиканской Испании союз писателей и интеллигентов создал культуру, которая растет и будет развиваться в освободительной Испании.

В нашем союзе, — продолжает Мария Тереса Леон, — работают секции: литературы, пластических искусств, музыки, театра, кино, экономики, политики и пропаганды. Вся работа союза призвана служить делу революции и защите Испанской республики. Секция литературы занимается изданием и распространением литературы, руководит союзом товарищеский министр народного просвещения Венсеслао Родригес.

Важнейшая секция союза — это секция пропаганды. Мария Тереса Леон, ее секретарь, рассказывает, что секция работает о той большой работе, которую проводит секция в тылу и на фронтах. Возвращения, листовки, плакаты.

Нужно ли доказывать, что работа писательской организации только тогда может быть успешной, когда она строится на основе широкого вовлечения в жизнь Союза и руководства всех литераторов, что метод командования и полного администрирования совершенно недостаточен, что всесторонняя подотчетность выборных органов и настоящая советская демократия должны определять весь стиль работы органов Союза?

Под знаком этих само собой разумеющихся требований, естественно вытекающих из основ сталинской Конституции, надо перестроить практическую деятельность всех органов Союза сверху донизу. Было бы ошибкой полагать, что только в литературной или украинской организации СССР мы сталкиваемся с нарушениями социалистического демократизма, — отдельные элементы таких нарушений имеются в практике многих организаций.

Доклад на пленуме о подготовке к великой годовщине Октября и пленум по нему обнаружил единую волю руководства Союза и широких писательских кругов к перестройке работы по-новому.

На IV пленуме правления ССП Прения по докладу тов. В. Ставского

Не было такого поэта на братских республиках, который, выступая на пленуме Пушкинского пленума, не подчеркивал бы, что работа над Пушкиным являлась для всех замечательной, в своем роде единственной, школой.

Можно смело утверждать, что учеба у Пушкина продолжалась и на самом пленуме. Жизнь великого поэта, поразительное многообразие его интересов, особенности его труда, напряженного, поведенного труда литератора-профессионала, истинное и художественное содержание его творчества, раскрытые с большой полнотой не только в выступлениях докладчиков, но и в творческих отчетах переводчиков, в теоретических обобщениях писателей, участвовавших в прениях, и в совершенно исключительном фильме «Рукописи Пушкина», продемонстрированном на пленуме.

Образ Пушкина дал и дает исчерпывающий ответ на множество волнующих нашу литературу современности вопросов и, в первую очередь, на основной вопрос — о типе писателя в нашей стране.

Тов. Ставский в своем докладе и тов. Фадеев, Панч, Коробейников в своих выступлениях привели именно у Пушкина, как и у его достойного наследника — А. М. Горького учиться пониманию задач, стоящих перед писателем, учиться жить целиком и безоговорочно высшими интересами своей эпохи, учиться большой скромности, суровой требовательности к себе и отказу от «счастливой» наклонности.

О том, что эти, казалось бы, уже элементарные для советского писателя истины следуют еще и еще раз повторять, свидетельствуют выступления на пленуме И. Сельвинского и В. Пастернака.

Сельвинский, недовольный критикой, считает, что его безобразно и грубо ругают. Он пришел на пленум для того, чтобы заявить свой протест против безобразной критики.

Но тут, избравший Сельвинским, не мог встретить сочувствия со стороны пленума: в речи поэта было гораздо больше от состояния аффекта, чем от понимания причин, заставивших критиков резко говорить о нем. Сельвинский взял не верную ноту, говоря о себе как о некоем «жесте» многолетней страсти и выходя тут же в противоборство с самим собой, ибо непосредственно после слов о травле он говорит: «Кольда меня были за определенные ошибки и предлагали мне выход на большую дорогу, на исторический путь большого революционного творчества, это было очень сильное впечатление. Поэтому я не чувствовал себя угнетенным».

Значит, вопрос о «многолетней травле» отпадает. Значит, Сельвинский и сам признает правильность этих суровых счетов, которые ему всегда представлялись советской критикой и литературной общественностью. Может быть, Сельвинский поймет, что если этот суровый разговор критики с ним продолжается и поныне, то только потому, что счета еще не оплачены?

Правильное определение речи Сельвинского дали гг. А. Фадеев и П. Панченко: они увидели в ней то, что присуще и творчеству Сельвинского и Пастернака — такую незабываемую реакцию у читателя, избывший индивидуализм, чрезмерное эстетство.

Это обстоятельство роднит Сельвинского с Пастернаком, хотя оба они — совершенно различные индивидуальности, и творчество их развивается различными путями.

Пастернак, как об этом свидетельствует выступление на пленуме, все еще не в состоянии найти связь с действительностью, как мог это делать поэт, о котором он говорит с благоговением — Пушкин. Пастернак все еще живет в строю старых видений и ассоциаций, ставших его интимным внутренним миром, и наивно думает, что от него ждут деклараций о любви к советской родине, к социалистическому строительству.

Дело не в общих декларациях! — высказывая эту мысль, В. Кириллов выражал отклик не только свое личное мнение.

Мы как такую любовь, которая не позволяет стоять в отдалении и соединяет свой собственный путь, за которую любовь, которая превращает поэта в активного участника нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Состоявшееся 3 марта открытое собрание партийной организации московских писателей было посвящено вопросам работы советских писателей над историческим романом. Доклад о советском историческом романе сделал т. Фадеев.

В нашей стране, — говорит докладчик, — истории принадлежит почетное место в ряду других наук.

Партия и правительство уделяют большое внимание исторической науке. В мае 1934 года ЦИК СССР и ЦК ВКП(б) вынесли специальное постановление о преподавании истории в средней школе. Позднее были опубликованы замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова о комплектах учебников по новой истории и по истории СССР. Значение этих документов для развития советской исторической науки огромно. Они да-

ют точные и ясные указания, как нужно писать историю, не искажая и не обесцвечивая ее. Они начисто отменяют все враждебные антиисторические «концепции» и теории, в плену которых до самого последнего времени находились вместе с некоторыми историками часть наших романистов и поэтов.

Тов. Фадеев далее подробно разбирает повесть Демьяна Ведного «Война и мир» и роман З. Давыдова «Дни каменья».

Положение, выходящее из т. Фадеева, нашли свое дальнейшее развитие и конкретизацию в обстоятельном выступлении Ал. Суркова.

Выступивший затем писатель З. Давыдов одобрял научную попытку оправдать свой роман. По его мнению, никакой большой ошибки он не допустил, так как в «Диком каменье» он показывает не современную фашистскую Польшу, а Польшу XVII столетия, которая стояла на более высоком культурном уровне, чем Россия. Отсюда вывод, правда, только не сформулированный автором, но неизбежно вытекающий из его слов, — завоеванная Россия, Польша совершила прогрессивное дело.

Отвечая Давыдову, т. Фадеев справедливо указывает, что завоевание цивилизованными нациями менее культурных народов никогда не являлось для последних прогрессивным актом. Об этом свидетельствует вся история человечества. В наши дни это легко подтверждается химическим захватом полуфабриката Абиссинии «эфиопизированной» Италией.

Прения по докладу т. Фадеева перенесены на 9 марта.

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ, МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН.

Мы приветствуем с горячей признательностью «Литературную газету» и всех ее сотрудников за ту работу, которую они с энтузиазмом проводят в защиту нашей страны.

3 марта 1937 г.

Сельвинский, недовольный критикой, считает, что его безобразно и грубо ругают. Он пришел на пленум для того, чтобы заявить свой протест против безобразной критики.

Но тут, избравший Сельвинским, не мог встретить сочувствия со стороны пленума: в речи поэта было гораздо больше от состояния аффекта, чем от понимания причин, заставивших критиков резко говорить о нем.

Сельвинский взял не верную ноту, говоря о себе как о некоем «жесте» многолетней страсти и выходя тут же в противоборство с самим собой, ибо непосредственно после слов о травле он говорит: «Кольда меня были за определенные ошибки и предлагали мне выход на большую дорогу, на исторический путь большого революционного творчества, это было очень сильное впечатление. Поэтому я не чувствовал себя угнетенным».

Значит, вопрос о «многолетней травле» отпадает. Значит, Сельвинский и сам признает правильность этих суровых счетов, которые ему всегда представлялись советской критикой и литературной общественностью.

Может быть, Сельвинский поймет, что если этот суровый разговор критики с ним продолжается и поныне, то только потому, что счета еще не оплачены?

Правильное определение речи Сельвинского дали гг. А. Фадеев и П. Панченко: они увидели в ней то, что присуще и творчеству Сельвинского и Пастернака — такую незабываемую реакцию у читателя, избывший индивидуализм, чрезмерное эстетство.

Это обстоятельство роднит Сельвинского с Пастернаком, хотя оба они — совершенно различные индивидуальности, и творчество их развивается различными путями.

Пастернак, как об этом свидетельствует выступление на пленуме, все еще не в состоянии найти связь с действительностью, как мог это делать поэт, о котором он говорит с благоговением — Пушкин. Пастернак все еще живет в строю старых видений и ассоциаций, ставших его интимным внутренним миром, и наивно думает, что от него ждут деклараций о любви к советской родине, к социалистическому строительству.

Дело не в общих декларациях! — высказывая эту мысль, В. Кириллов выражал отклик не только свое личное мнение.

Мы как такую любовь, которая не позволяет стоять в отдалении и соединяет свой собственный путь, за которую любовь, которая превращает поэта в активного участника нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозраченном мире и распыляется за это мертворожденными строкками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собой выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась высокая заинтересованность в успехе всей советской литературы, в работе всех товарищей по перу и глуму, в развитии кабинетного творчества, в активном участии нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действительность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, неопрозрачен

